

**«Мужику и коню – погибель»: семиотика телесности
в рассказе Василия Белова «Под извоз»**

А. И. Куляпин

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Анализируется семиотика телесных деформаций героев рассказа Василия Белова «Под извоз». Чертами физической неполноценности наделены все мужские персонажи рассказа. В результате возникает концептуально значимая для автора триада: безрукий – безъязыкий – безглазый. Кроме того, Белов очень настойчиво и последовательно проводит в тексте параллели между людьми и животными. В рассказе есть два представителя животного мира с неопределенной гендерной идентичностью: петух, отмороживший гребень и наполовину жеребец Воробей. Мужское достоинство главного героя рассказа Сеньки Груздева тоже метафорически ополовинено. Фиаско ожидает Сеньку, когда вместо половинного он пытается продемонстрировать стопроцентное проявление мужественности.

Ключевые слова: семиотика телесности, гендерная идентичность, символ, зооморфный код.

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-380-387

Контактная информация: Куляпин Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия, iskander58@mail.ru)

Куляпин А. И. «Мужику и коню – погибель»: семиотика телесности в рассказе Василия Белова «Под извоз» // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 380–387.

Когда в феврале 1972 г. Шукшин гостил у Белова в деревне Тимониха, его позабавила шутка Фауста Степановича Цветкова – односельчанина вологодского писателя. А. Заболоцкий вспоминает, что однажды в разговоре с Шукшиным и Беловым Ф. С. Цветков остроумно заметил: «Бабе и корове жить можно, а мужику и коню – погибель». «Вот уж повеселился Шукшин: “Вот мужичок и здесь оправдался. С таким умом бабы не справятся. Слаба власть”» [Заболоцкий, 1997, с. 82]. Афоризм настолько понравился Шукшину, что он использовал его в рассказе «Беспалый» (1972). В финале рассказа один из героев подытоживает происшедшее: «Дед Иван говорит: счас хорошо живется бабе да корове, а коню и мужику плохо. И верно» [Шукшин, 2014, с. 58].

О реакции Белова на высказывание соседа А. Заболоцкий не пишет, но можно предположить, что и ему шутка понравилась. Правда, для него мудрость тимонихинского Фауста не могла стать откровением, ведь свой рассказ о трудной жизни коня и мужика Белов написал еще в 1967 г., и назывался он – «Под извоз» (впервые под названием «Мазурик» рассказ был опубликован в журнале «Новый мир», 1968, № 2).

Л. Аннинский, оперативно откликнувшийся на публикацию рассказа, отказал ему в глубине и значимости. Критика смутила «бедность человеческого сознания, бедность авторского отношения»: «...баечки получше, баечки похуже, и интонация вполне занимательная, однако читаешь, и все вертится в голове вопрос: к чему все это? И глядя, как прихватывает Сенька-мазурик очередной плохо лежащий кус, думаешь: наконец это все? Все!» [Аннинский, 1968]. С этой оценкой трудно согласиться. Художественная концепция рассказа заслуживает самого пристального внимания.

Как ни странно, главный герой Белова – тоже «беспалый», как и у Шукшина. После фронтового ранения правая рука Сеньки Груздева совсем не действует и становится похожей «на какой-то корявый сучок: вместо пальцев торчали в разные стороны какие-то розовые соски и калачики, и между ними все время сочилась сукровица» [Белов, 1991, с. 10]¹.

Телесная ущербность героя не сводится к однорукости. Оказывается, когда-то в малолетстве Сенька «на спор лизнул обух принесенного с мороза топора» и «оставил пол-языка на том обухе» (с. 13).

Примечательно, что чертами физической неполноценности наделены в рассказе все мужские персонажи. Так, главный враг Сеньки – бригадир Илюха – одноглазый (с. 13). Возникает концептуально значимая триада: безрукий – безязыкий – безглазый.

Ополовиненной телесности соответствует ополовиненная духовность, полувера. Дважды в тексте упомянута церковь, и оба раза с оттенком кощунственности. Умершего младенца Сенька относит в сакральное место,

---

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

к церкви, но при этом не хоронит, а просто «зарывает», да еще и «в ящике из-под колхозных гвоздей» (с. 10).

В последней сцене, складывая поленницу, Сенька сравнивает ее с церковью. «Стоит, как церква», – говорит он, убеждая жену в прочности сооружения (с. 23). Вопреки Сенькиной уверенности поленница разваливается, и он, не смущаясь алогизмом своей позиции с восхищением произносит: «Хм... Ведь так и знал, что шарахнется!» (с. 24). Предугадать судьбу поленницы несложно – считать храмы советской эпохи символом несокрушимости весьма наивно. Поленница рассыпается под аккомпанемент оборванной на полуслове реплики Сеньки: «Да ее теперь и валить не свалить, как церк...» (с. 23). Ополовинивая слово «церковь», Белов по сути трансформирует его в «цирк», хотя буффонадный характер эпизода очевиден и без этой игры в «слова из слов».

Духовно-нравственный потенциал Сеньки находится в обратной пропорциональной зависимости от его воровского фарта. Начинает он достаточно невинно, его первую кражу можно смело отнести к сфере «чистого искусства»: «Как-то ночью Сенька назло Илюхе уволок с полосы ячменный сноп. Хотелось ему, чтобы пришел утром Илюха и увидел, что снопа нет, хотелось как-то насолить бригадиру, который на ночь все снопы пересчитывал. Сенька уволок сноп на предбанник и забыл про него» (с. 11). Качественный скачок, ознаменовавший моральное падение Сеньки, происходит в тот момент, когда жена сварила ребятишкам из украденного ячменя кашу, и он утащил сразу два снопа – без колебаний и уже с корыстной целью: «После этого у Груздева дело пошло быстро: он наострился таскать все, что попадало под руку» (с. 12).

Ворует Сенька весело и, что самое любопытное, всегда избегает наказания, хотя, подчеркивает автор, «все знали, какой Сенька стал мазурик» (с. 12). Неуловимость Сеньки объясняется очень просто: в его кражах заинтересованы скорее окружающие, чем он сам. Бригадир Илюха «домовито принимает» Сенькину добычу на бригадный баланс, а председатель «при сдаче хлеба по госпоставкам всегда назначал Сеньку старшим по обозу. Потому что Груздев привозил квитанций больше, чем положено» (с. 12).

Вступив на скользкую дорожку, Сенька «начал жить по принципу: все должно быть общим» (с. 12). В шуточной песне «Зять и теща», записанной в Белоруссии в 1937 г. и переведенной будущим редактором «Нового мира» Александром Твардовским, есть строчки: «Все кругом колхозное, / Все кругом – мое!» [Творчество народов СССР, 1937]. Обычно их цитируют несколько иначе: «И все вокруг колхозное, / И все вокруг мое!», вероятно, под влиянием припева из песни И. Дунаевского на слова С. А. Васильева «Дорожная» (1947): «Эх, сколько мною езжено, эх, сколько мною пройдено, / Эх, сколько мною видано! И все вокруг – мое!». Это как раз тот принцип, которого придерживается Сенька, как и другие колхозники.

Невозможность отличить «свое» от «чужого» приводит к курьезным недоразумениям. Одинокая старуха Михайловна не прочь подоить пойманную Сенькой «чужую» козу:

«Сенька держит козу, Михайловна торопливо доит. Вдруг получается какая-то заминка.

– Сенька, лешой...

– Чево?

– А веть коза-то моя.

– ?!

– Ей-богу, моя... и зовут Малькой» (с. 18).

Михайловна «ругает Сеньку, как будто он один виноват», Сеньке ничего другого не остается, как свалить все на бедную козу: «У, дура душная! Рогатая! Так бы и говорила, что не чужая, здешняя!» (с. 19). Впрочем, Малька не такая уж невинная жертва. Животные в мире рассказа привороживают не хуже людей: «хозяйки нарочно даже по ночам распускают коз по деревне, чтобы они кормились у проезжающих обозов» (с. 19). Сенька, отправляясь под извоз, ни для себя, ни для мерина Воробья никакой еды из дому не берет: подобно Мальке, он предпочитает кормиться у проезжающих обозов. В большой, «уже от чужого колхоза деревне» Сенька умудряется «свистнуть» полвоза сена (с. 16–17).

Следствием принципа «все вокруг – мое» становится своеобразный круговорот вещей в советской системе. Если Сенька при сдаче хлеба по госпоставкам обманывает приемщика ради повышения колхозных показателей, то Гриша-Шкурник, заготавливая овечьи и телячьи шкуры, занижает их сортность «во имя блага государства» (с. 12).

Основные события рассказа разворачиваются в «начале последней военной зимы» (с. 13). Линия фронта далеко, но в глубоком тылу идет настоящая война, уже не с фашистами, а с родной властью, которая ведет себя как оккупационная. Сеньку отличает неистребимое добродушие, он любит всех людей за одним принципиально важным исключением – «не считая бригадира». Причины для вражды к Илюхе две: «Первая причина та, что он бригадир, вторая – что хоть и двоюродный, а прижимка, к нему, к Груздеву, словно бы к пленнику» (с. 10–11).

Сенька терпеливо сносит все притеснения колхозных властей. Но, когда «Илюха кровно обидел Тайку», вражда принимает открытый характер. Объявив «бесплатный воскресник в счет помощи фронту», колхозное начальство отдает распоряжение: «утром печей не топить и всем поголовно выйти косить», а чтобы никто не осмелился нарушить приказ, председатель, счетовод и бригадир ходят по деревне и заливают печи водой. Среди пострадавших от варварских действий особой тройки оказалась и Тайка, вопреки запрету затопившая печь (с. 11).

Казалось бы, очередной произвол властей мало чем отличается от предыдущих, тем более что Тайка дала симметричный ответ, окатив из ведра

Илюху с ног до головы. Важен символический аспект жеста бригадира, плеснувшего «из полной бадьи в Тайкину печь» (с. 11). Залит домашний очаг, который больше уже не разгорится. Сенька постепенно превращается в своего рода кочевника, «ночует дома раз или два в неделю» (с. 22). «В избе ему не хочется. <...> Делать в избе нечего» (с. 14).

Исследователями неоднократно отмечалась чрезвычайная притягательность для «деревенщиков» «образа разрушающейся “избы”» [Партэ, 2004, с. 115]. «Кособокий дом» (с. 10) Сеньки Груздева органично вписывается в этот образный ряд.

По Белову, разрушительная деятельность власти накладывается на деструктивные черты, присущие национальному характеру. Ведь даже огонь домашнего очага (тот самый, который погасит бригадир Илюха) разгорается только после того, как жена Сеньки уничтожает полезную хозяйственную вещь: «Тайка сбегала на повесть и разломала пустую кадушку. Подкинула на огонь сухую клепку, и в печи сразу стало весело как на празднике» (с. 11). Без учета особенностей русской ментальности нелегко понять, почему Сеньку так восхищает развалившаяся поленница или почему он «восхищенно кричит», услышав историю Марюты о том, как ее петух отморозил гребень.

Марютин петух остался без главного украшения опять же из-за потухшего домашнего очага, только на этот раз власть ни при чем.

«...А я, Семен, на гумно-то ушла, трубу-то не закрыла, – рассказывает Марюта. – Прихожу, а в избе-то у меня все выдуло. <...> Гляжу, а петух-от сидит на кожухе и на меня не глядит, гребень опущенной.

– Ой ты. Омморозила? – восхищенно кричит Сенька» (с. 22).

Как известно, у птиц величина гребня и его цвет являются признаком полового диморфизма. Лишившегося внешнего атрибута мужественности петуха Марюта уже готова причислить к курицам. На вопрос Сеньки «У тебя много ли куриц-то?» она отвечает: «Да три. <...> А с петухом-то четыре, нешто и толку от их» (с. 22).

Показательно, что в рассказе есть еще один представитель животного мира, наделенный неопределенной гендерной идентичностью: «По причине судьбы мерин Воробей не мерин, а наполовину жеребец: ветеринар, холостивший Воробья, плохо спутал ему ноги, и животина, лежа, лягнула ветеринара в грудь копытом. Пока ветеринар отлеживался и собирался довести дело до конца, началась война, его вызвали на фронт в первый же день, а Воробей так и остался при своих испорченных интересах» (с. 13).

«Хоть и половинное, но все же мужское достоинство» определяет превосходство Воробья над другими колхозными лошадьми, он «не боится ни поезда, ни встречных машин», в то время как кобылам Марюты и Ромихи при появлении воинского эшелона приходится завязывать глаза, и все равно они «вострят уши и дрожат как в лихорадке». «Перепуганная Марюта гладит морду лошади, успокаивает, а сама тоже дрожит:

– Пронеси, господи...» (с. 19).

Параллели между людьми и животными Белов проводит в рассказе последовательно и настойчиво. Мужское достоинство Сеньки, не буквально, конечно, а метафорически, тоже ополовинено. В этом отношении полумерин Воробей его двойник. Не зря пожилые мужики подначивают Сеньку: «Худо ты, Груздев, работаешь, не то что уполномоченной. Мужик один сенокос и в деревне-то пожил, а вишь, сразу оба-два! Тебя когда отпустили? Ведь два года скоро, а ты только одного смастерил». На что Сенька «почти всерьез» оправдывается «госпиталем и худыми теперешними харчами» (с. 10).

Фиаско ожидает Сеньку и Воробья, когда вместо половинного они пытаются продемонстрировать стопроцентное проявление мужественности: «Гриша-заготовитель не ставил мерина ни во что. Сенька обиделся, разошелся и прямо в поле случил Воробья с вороной сельсоветовской кобыленкой, которая стреноженная ходила на клеверище. Воробей не ударил лицом в грязь, все сделал как положено, и Сенька выпорил две поллитры. Грише пришлось раскошелиться, но как раз это обстоятельство и сгубило Сеньку» (с. 22). Сенька спьяну «подмочил два ящика дорогих ленинградских папирос», а чтоб рассчитаться «в том же сельпо стянул и продал мешок соли». «Сеньку уличили и подали в суд, дело кончилось принудиловкой» (с. 22). До этого гораздо более дерзкие кражи, вроде похищения райкомовского тулупа, сходили Сеньке с рук, но почему-то не теперь. «Заместитель сельпо Гриша, по прозвищу Шкурник» уже уличал Сеньку в краже среди бела дня «полтуши замороженного поросенка» и даже грозил ему тюрьмой: «– Ты, Семен, стыд потерял, тебя надо в тюрьму посадить, разве ладно ты делаешь?» (с. 12–13). Есть количественная разница между Сенькиными кражами: от половинок («полдесяток пустых мешков»; полвоза сена; полтуши поросенка) он переходит к целому (не полмешка, а мешок). Однако важнее разница качественная. Сенька с помощью Воробья берет символический реванш за все свои обиды и унижения: как социальные, так и сексуальные. Отсюда специфика наказания. «Принудиловка для Сеньки всего полбеда» (с. 22), хуже, что его отлучили от Воробья и «не стали больше посылать на извоз» (с. 23).

О себе Сенька говорит «обычно в третьем лице: “Сеньку Груздева знаете? Сенька Груздев хороший парень! Ты Сеньку не обидь, а уж он тебя век не обидит”» (с. 9). Психологами и лингвистами подмечено, что автономинация от 3-го лица свойственна прежде всего речи «малолетних детей, а также взрослых, вступающих в коммуникацию с первыми. Говорить о себе в первом лице ребенок, как правило, начинает после кризиса трех лет. Именно к этому возрасту малыш впервые понимает, что он – это именно он, и начинает избавляться от форм 3-го лица» [Дахалаева, 2013].

Сенька явно застрял на инфантильной стадии развития, у него нет осознания себя как полноценной личности. Автономинация «Сенька» вы-

дает предельно низкую самооценку: кроме него самого Сенькой его называет только один раз Михайловна, недовольная его проделкой с козой. Во всех остальных случаях он – либо «Семен», либо «Семен Иванович», либо «Груздев».

Для художественного мира Василия Белова фигура Сеньки Груздева типична, ведь и самый знаменитый герой писателя – «Иван Африканович, сам иной раз как дитя малое, чего говорить» (с. 158).

Список литературы

Аннинский Л. Точка опоры. Этические проблемы современной прозы // Дон. 1968. № 7. С. 178–187.

Белов В. И. Собр. соч.: В 5 т. М.: Современник, 1991. Т. 1: Рассказы, повести, очерки. 608 с.

Дахалаева Е. Ч. Лингвистический статус 3-го лица в рамках категории лица // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8420> (дата обращения 06.08.2019).

Заболоцкий А. Д. Шукшин в кадре и за кадром. Б. м.: Изд-во «Альпари», 1997. 256 с.

Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 204 с.

Творчество народов СССР / Под ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса. М.: Правда, 1937. 534 с., ил. URL: <http://elibrary.karelia.ru/page2010.php?book=9252&page=600> (дата обращения 06.08.2019).

Шукшин В. М. Беспалый // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 9 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014. Т. 6. С. 51–58.

Article metadata

Title: “To the Man and the Horse – Perdition”: The Semiotics of Corporeality in Vasily Belov’s Short Story “For Carriage”

Author: A. I. Kulyapin

Author’s e-mail: iskander58@mail.ru

Author’s affiliation: Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

Abstract. The article analyzes the semiotics of bodily deformations of the heroes of the story by Vasily Belov “For Carriage”. All male characters of the story are endowed with physical inferiority. The main character of the story, Senka Gruzdev, lost his right hand fingers in the war, and once in his youth, he licked an ax brought from the cold and left a half-tongue on that ax. Senka’s irreconcilable enemy – the brigadier Ilyukha – is one-eyed. As a result, a triad concep-

tually significant for the author arises: armless – tongueless – eyeless. The defective corporeality of the heroes is correlated with their defective spirituality, semi-faith. Belov very persistently and consistently draws parallels between people and animals in the text. In the story there are two representatives of the animal world with an indefinite gender identity: a rooster that has lost its crest and a horse Sparrow – half stallion half gelding. The masculine dignity of the main character of the story Senka Gruzdev is also metaphorically halved. Senka Gruzdev fails when he tries to demonstrate one hundred percent manifestation of masculinity. Senka usually speaks about himself in the third person. Psychologists and linguists noted that self-name from a third person is peculiar primarily to the speech of young children, as well as to adults who enter into communication with them. Senka was clearly stuck at the infantile stage of development; he does not have a sense of self as a full-fledged personality. The figure of Senka Gruzdeva is typical of the artistic world of Vasily Belov. The most famous hero of the writer is Ivan Afrikanovich from the story “A Habitual Affair” “himself sometimes as a small child”.

Key terms: semiotics of corporeality, gender identity, symbol, zoomorphic code.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-380-387

Reference literature (in transliteration):

Anninskiy L. Tochka opory. Eticheskiye problemy sovremennoy prozy. *Don*, 1968, no. 7, p. 178–187. (in Russ.)

Belov V. I. Sobraniye sochineniy. In 5 vols. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, vol. 1: Rasskazy, povesti, ocherki, 608 p. (in Russ.)

Dakhalayeva E. Ch. Lingvisticheskiy status 3-go litsa v ramkakh kategorii litsa. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 2013, no 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8420> (accessed 06.08.2019) (in Russ.)

Parte K. Russkaya derevenskaya proza: svetloye proshloye. Tomsk, TSU Press, 2004, 204 p. (in Russ.)

Shukshin V. M. Bespalyy. In: Shukshin V. M. Sobraniye sochineniy. In 9 vols. Barnaul, Barnaul Publ., 2014, vol. 6, p. 51–58.

Tvorchestvo narodov SSSR. Eds. A. M. Gorkiy, L. Z. Mekhlis. Moscow, Pravda Publ., 1937, 534 p., il. URL: <http://elibrary.karelia.ru/page2010.php?book=9252&page=600> (accessed 06.08.2019) (in Russ.)

Zabolotskiy A. D. Shukshin v kadre i za kadrom. Alpari Publ., 1997, 256 p. (in Russ.)